

УДК 821.512.145

ТРАНСФОРМАЦИЯ СУФИЙСКОЙ СИМВОЛИКИ В ПОЭЗИИ О Г. ТУКАЕ (начало XX в.)

Н.М. Юсупова

Аннотация

В статье определяются диахронические трансформации эстетического идеала в татарской литературе, а также параметры национального идеала в начале XX в. и его основные социокультурные детерминанты. В поэзии начала XX в. наблюдается идеализация Тукая, он представляется человеком-образцом, символом нации. В формировании национального идеала участвует суфийская концепция Совершенного человека. Вместе с тем в поэзии о Г. Тукае начала XX в. доминирует суфийская символика, где на первый план выходят такие астральные образы, как «Звезда», «Солнце», «Луна».

Ключевые слова: Габдулла Тукай, поэзия, диахронические трансформации, суфизм, символ, идеал.

Культура выражает себя через мир символических форм, которые передаются от человека к человеку, от поколения к поколению. Через символы наше сознание проникает в святая святых культуры – смыслы, живущие в бессознательных глубинах души и связывающие людей в едином по типу переживания мире [1, с. 14–15]. Искусство XX в., по определению А. Белого, насквозь символично [2, с. 340].

И в поэзии начала XX в. доминировало мышление образами-символами. В этом плане стоит отметить традицию суфизма, философско-эстетические основы которого были близки к символизму и элементы которого проявились в татарской литературе начала XX в. [3, с. 75–76]. Как отмечает А. Саяпова, историко-культурный фон татарской поэзии начала XX в. способствовал активному вторжению в нее суфийской образной системы, которая придала в целом светской, европеизированной поэзии национальный восточный колорит, расширив и обогатив ее художественное и эстетическое содержание [3, с. 97]. Анализируя отдельные произведения, посвященные Габдулле Тукаю, можно выделить трансформацию суфийской символики в татарской литературе начала XX в., определить художественные особенности творческого сознания.

В поэзии начала XX в. личность Г. Тукая становится символом нации, идеалом татарского общества. Как известно, общей тенденцией в татарской литературе начала XX столетия является повышенный интерес к национальным проблемам. Эта тенденция отражается в создании идеальной, абсолютной личности. Символизация отдельных личностей уходит своими корнями в средневековую литературу. Прослеживая эволюцию идеализации, можно выделить в данном

процессе ряд этапов, наблюдать диахронические трансформации идеала в татарской литературе, которые в начале XX в. приводят к формированию светского идеала.

В болгарский период идеал возникает в соответствии с исламской идеологией, доминирует «религиозный идеал». Исламская философия оказывает решающее влияние на его формирование в Среднем Поволжье. Через мусульманский мир в татарскую литературу проникают традиции восточной литературы, общественно-философской мысли (суфийское учение), основанные на учении «Камиль инсан» («Совершенный человек»), предложенном Ибн Араби (1165–1240), который создал философские основы суфизма [4, с. 62–75].

В качестве образца абсолютного совершенства восточный мыслитель преподносит пророков от Адама до Мухаммеда, уделяя духовному миру и образу жизни последнего особое внимание и рассматривая его как отсвет божественного [5, с. 56]. По мнению Ибн Араби, образ Адама, совершенного человека, повторив образ Бога в зеркале мира, стал вселенской матрицей бытия [6, с. 21–22]. Образ «совершенного человека» в лице Мухаммеда, сумевшего сплотить языческие арабские племена в единый «мусульманский народ», воспринимается и как стержень некоего центра, способного объединить вокруг себя человеческое общество. В силу превосходства духовных и нравственных качеств эта идея, определенная в трактатах великих мыслителей Востока Аль-Фараби, Ибн-Рушди, Ибн-Сины, проникает в средневековый татарский мир через труды и произведения Насретдина Туси, Низами, Фирдоуси, Джами, Навои и находит отражение в творчестве Кул Гали, Котба, С. Сарай, Х. Кятиба, Мухаммедьяра [7, с. 56–57].

Продолжая традиции предшественников, они считали себя проповедниками объединения вокруг божественного и жизненного идеала в самом северном форпосте тюркского анклава. Непременным условием формирования идеального общества поэты предполагали наличие умного, образованного, справедливого правителя, то есть наделенного качествами пророка. Одним из первых литературных произведений, представившим образец религиозного идеала в соответствии с учением «Камиль инсан», была поэма Кул Гали «Кыйсса-и Йусуф». Традиции Кул Гали, его представления об идеальной личности продолжают в произведениях «Хосров и Ширин» Котба, «Махабатнамэ» Хорезми, «Джумд-жума султан» Х. Кятиба, «Гулистан бит-тюрки» Саифа Сарай, а также в более поздних произведениях Мухаммедьяра, Умми Камала, Г. Утыз Имяни.

Во второй половине XIX в. формируется новая мировоззренческая парадигма, в которой религиозные учения соединяются с просветительскими тенденциями. В центр внимания выдвигается уже земной представитель татарского общества, в котором концентрируются лучшие черты национального характера, происходит напластование религиозного и светского идеалов. Личностью, наиболее соответствующей данному идеалу, стал татарский просветитель Ш. Марджани.

В начале нового столетия на литературной арене появляется образ-символ другой личности, которая заботится о благе народа, все силы отдает делу нации, смысл жизни видит в служении народу [8, с. 127], борется за свободу духа и мысли, защищает интересы народа, главным мерилom при оценке героя стано-

вится национализм. Надежду на светлое будущее татар связывают с социальной личностью, гуманистом, борющимся за счастье всех слоев общества [9, с. 12].

Таким образом, формируется идеал личности, посвятившей себя служению народу – «милләт хадиме». Учение о такой личности было разработано И. Гаспринским и Г. Баруди, Ю. Акчуриным [10, с. 36]. В дальнейшем эта концепция совершенствовалась в работах А. Хальфина, Дж. Валиди, Г. Забирева, Г. Исхаки.

В поэзии рассматриваемого периода такие качества Г. Тукая, как преданность народу и нации, граничащая с жертвенностью, душевность и гуманизм детерминировали многозначность нового идеала. При этом личность Тукая и его творчество рассматриваются как дифференцированное целое. Высшим достоинством Тукая как национального идеала является его решимость отвечать за свои действия, способность к высшему духовному творчеству, личной нравственной ответственности, в чем и заключается идеальная красота личности.

Кроме того, в формировании национального идеала участвует концепция Совершенного человека, так как при изучении отражения образа Тукая в поэзии начала XX в. можно выделить некоторые признаки суфийской концепции. В отдельных поэтических произведениях наблюдается устойчивая тенденция к изображению Тукая в ракурсе поэта-пророка. Например, в стихотворении «Поэту» С. Сунчалая опирается на традиции учения «Камиль инсан» («Совершенный человек»), Тукай предстает перед читателем как поэт-пророк, устремленный к совершенству. Поэт является своего рода микрокосмом, тенью, отражением макрокосма, что определяет в нем человеческие и божественные качества:

Әй, шагыйрь! Белсәң иде, нинди синең кадерең бөек!
Син Ходаның илчесе – һәм жырларың вәхи кеби! [11, б. 3]

(О, поэт! Знал бы ты, как велико твое почтение!
Ты посланник Бога – и песни твои как молитвы!)¹.

В таких произведениях, как «Азан» С. Сунчалая, «После смерти Тукая» Ш. Бабича образ Тукая создается в соответствии с представлениями об идеальной личности как личности, обладающей нравственной чистотой, глубиной духа, богатством чувств и души, в то же время способной объединить татарскую нацию:

Рух өрдең син, халкың тергездең син,
Гали күңлең чәчте кодси нур... [12, б. 21]

(Ты воодушевил, объединил нас
Глубиной духа и богатством души своей...).

В творческой деятельности поэта оттеняется благородный подвиг во имя народа, что кажется его пророческим призванием. Схожую тенденцию обнаруживает Г. Халит и в творчестве Г. Тукая при раскрытии образов Х. Ямашева, Ш. Марджани, Л. Толстого [13, с. 178]. В творчестве Г. Тукая наблюдается усиленный поиск идеала нового образца. В стихотворениях, посвященных Ш. Марджани, Х. Ямашеву, Г. Исхаки, выявляются компоненты, присущие обобщенному образу идеальной личности – «героя своего времени». Самое интересное

¹ Здесь и далее подстрочный перевод наш. – Н.Ю.

заключается в том, что данная модель стала использоваться в творчестве поэтов более позднего времени как образец в изображении самого Тукая.

Кроме того, в поэзии, посвященной Тукаю, личность поэта раскрывается через характерные для его же поэзии символические образы. В стихах Ш. Бабича («Габдулла Тукаев», «После смерти Тукая»), С. Сунчалая («Ручей»), К. Курмашева («Поэтическому соловью, великому Габдулле Тукаеву»), Х. Габидова («Почему же гаснут свечи»), носящих светский характер с идейно-смысловой нагрузкой, также обнаруживается суфийская символика. В них романтическая символика, взятая из арсенала суфийской литературы и превратившаяся в национальную традицию, становится своеобразным художественным приемом в создании образа Поэта и Человека. Например, в стихотворении Х. Габидова «Почему же гаснут свечи» используется один из самых распространенных суфийских символов – свеча:

...Жил օрәме, мае йокмый – нигә бу шәмнәр сүнә [14, б. 129]
(...То ли ветер дует – почему же гаснут свечи).

Как известно, образ свечи воспринимается суфиями как божественный свет, Макрокосм, Абсолют, световой образ лежит в основе миропонимания. Но в данном произведении образ свечи приобретает новую смысловую нагрузку и переосмысливается Х. Габидовым как символ высшей божественной силы, одаривающей творческим вдохновением. В рамках стихотворения автор обращается к еще одному суфийскому образу – «кораблю», который символизирует судьбу, одиночество, трагическую участь человека, брошенного в хаос жизни. Последние строки рождают чувство горечи, что усиливает эмоциональное воздействие внутренних переживаний лирического «я», подводя к черте скорби романтической трагедии [14, с. 129]. Суфийская образная символика помогает автору построить свою эстетическую мифологию: «Тукай – символ божественной силы, высшая сила».

В отдельных произведениях поэты обращаются к таким космогоническим образам, как Солнце, Луна, Звезды, создавая при этом новые смысловые вариации в соответствии с потребностями времени. Каждый символический образ по своей семантике и эстетике служит определению величия, духовной целостности поэта. Н. Пригарина на материале жанра бейт в восточной поэзии так определяет это явление: «Целью сравнения является не субъект, а объект сравнения, и усилия поэта направлены не на постижение действительности через метафору, а скорее на постижение метафоры с помощью действительности. Естественно, что подобный механизм... дает их идеализированный, обобщенный и символизированный аспект» [15, с. 91]. Это положение применимо и к указанному пласту национальной поэзии. Символы Солнца, Луны, Звезды позволяют более емко, значимо увидеть и осмыслить внутренний мир, образ жизни героя-поэта.

В стихах «Габдулла Тукаев» Ш. Бабича, «Инеш» С. Сунчалая, «Габдулла Тукай» Ш. Фидаи, «Габдулла эфэнде» М. Файзи и других образы-символы Солнца, Луны, Звезды (Чулпан) приближают Тукая к абсолюту. Он один, единственный в своем роде, и его смерть для татарского народа равнозначна потере небесных светил [12, с. 13].

Как известно, пришедший из восточной литературы символ Луны выражает красоту, чистоту, первозданность чувств. Развиваясь в новых эмоциональных и смысловых оттенках, этот символ «теряет» свои традиционные черты: под «красотой» уже подразумеваются нравственность, духовность, творческое величие поэта и в конечном счете – единство судьбы поэта и народа. Для лирического героя стихотворений начала XX в. Тукай – Учитель, духовный наставник, объект преклонения и подражания.

Арсенал символических образов, используемых татарскими поэтами начала XX в. для идеализации Г. Тукая, не ограничивается астральной символикой. Стоит обратить внимание и на другие символы, в частности на символы жемчуга и бриллианта, характерные для средневековой суфийской поэзии. Такая символика применяется в стихах Я. Мамишева «На память», К. Патии «Тукаю». Например, в произведении «Тукаю» К. Патии обращается к суфийскому символическому образу бриллианта:

Тукай, син бриллиант халкың күзендә...
Тирән эз калды ул узган эзендә... [16, б. 4]

(Тукай, ты бриллиант в глазах своего народа...
Оставил ты глубокий след в душе его...).

Образ бриллианта в рамках стиха используется в двух значениях: во-первых, подчеркивает подлинную драгоценность, божественное значение поэзии Тукая («капля слезы» является подлинной драгоценностью, жемчужиной), во-вторых, ассоциируется с образом слезы в связи с безвременной кончиной поэта. Подобная многозначность образа обеспечивает возможность выявления новых смысловых нюансов, тончайших изгибов мысли.

Summary

N.M. Yusupova. Transformation of the Sufi Symbols in Poetry about Gabdulla Tukay (early 20th century).

The article defines diachronic transformations of aesthetic ideal in Tatar literature along with parameters and main sociocultural determinants of national ideal in early 20th century. Early 20th-century poetry reveals the idealization of G. Tukay, he being represented as an exemplary person, the nation's symbol. Sufi concept of a Perfect person contributes to the formation of the national ideal. Along with that, in early 20th-century poetry about G. Tukay there dominate Sufi symbols, such astral images as "Star", "Sun", "Moon" coming to the foreground.

Key words: Gabdulla Tukay, poetry, Sufism, diachronic transformations, symbol, ideal.

Литература

1. Культурология / Сост. и отв. редактор А.А. Радугин. – М.: Центр, 2003. – 243 с.
2. Белый А. Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – 528 с.
3. Саянова А. Дардменд и проблема символизма в татарской литературе. – Казань: Алма-Лит, 2006. – 246 с.
4. Ибрагим Т. Суфийская концепция «совершенного человека» // Человек как философская проблема: Восток – Запад. – М., 1991. – С. 62–75.

5. *Брагинский И.* К итогам дискуссии о периодизации истории литератур Востока // Народы Азии и Африки. – 1965. – № 3. – С. 55–72.
6. *Игнатенко А.* Мир – Бог в Зеркале, или Как возник Совершенный Человек // Человек и Природа в духовной культуре Востока. – М.: ИВ РАН: КРАФТ, 2004. – С. 17–47.
7. *Абилов Ш.* Идеал социальной утопии в наследии татарских мыслителей периода средневековья // Из истории татарской общественной мысли. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1979. – С. 56–67.
8. *Мәрдәнов Р.* «Шура» журналында (1908–1918) әдәбият мәсьәләләре: Филол. фн. канд. ... дис. – Казан, 1999. – 157 б.
9. Татар әдәбияты тарихы: 6 т. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1986. – Т. 3. – 600 б.
10. *Хабутдинов А.* Татарское общественно-политическое движение в досоветский период: 1900–1918 гг. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1997. – Ч. 1. – 62 с.
11. *Сүнчәләй С.* Шагыйрьгә // Сүнчәләй С. Шигырьләре. – Казан, 1913. – Б. 3.
12. Мин Тукайга киләм. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1996. – 192 б.
13. *Халит Г.* Многоликая лирика. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1990. – 405 с.
14. *Габидов Х.* Нигә бу шәмнәр сүнә // Казан утлары. – 1991. – № 1. – Б. 129.
15. *Пригарина Н.* Образное содержание бейта в поэзии на персидском языке // Восточная поэтика. – М., 1983. – С. 89–107.
16. *Патии К.* Тукайга // Сабыйлар догасы. – Казан, 1915. – Б. 4.

Поступила в редакцию
25.05.08

Юсупова Нурфия Марсовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания и современной татарской литературы Казанского государственного университета.